

Своим апофеозом «чертова учения» Достоевский отнюдь не хотел оказать услугу XX веку и науке. Как раз наоборот: он хотел вонзить в сердце «науки» самый ядовитый из своих кинжалов, подразумевая под «наукой» скрытого в ней врага — умного и страшного антитезиса философии. Однако как бы ни волновала Достоевского проблема науки, от проповеди счастливого анималитета Руссо он был весьма далек.

VI

ИВАН КАРАМАЗОВ КАК ГЕРОЙ КАНТОВЫХ АНТИНОМИЙ

Не для обличения и не для защиты исследует сейчас читатель мысли двух великих умов, а для раскрытия секрета романа Достоевского — секрета, засекреченного даже для самого черта.

Не один только Кантов антитезис секретно вооружил Достоевского своими испытанными доспехами. Не менее испытанными доспехами вооружает его тайно и тезис. Но отнюдь не для доказательства правоты тезиса, — для этого у Достоевского есть иное оружие, — а только для торжества над антитезисом пользуется Достоевский философским арсеналом тезиса.

Как судья публичного поединка между Тезисом и Антитезисом, Кант добросовестно отмечает, что преимущество популярности на стороне Тезиса, поскольку «обыкновенный рассудок», ничего не понимая в его умопостигаемых идеях, например в бессмертии души, может без конца умствовать в этих вопросах, блуждая среди идей, о которых именно потому можно говорить красноречиво, что о них ничего неизвестно, и можно считать известным все то, что стало для него привычным, благодаря частому приме-

нению. Затруднения в понимании не беспокоят его, так как он не знает, что такое понимание вообще. Между тем как в области исследования природы, т. е. в области антитезиса, он, этот обыкновенный рассудок, должен был бы совершенно молчать и признаться в своем невежестве.

Кант даже упрекает в заносчивости и хитроумии поборников тезиса (спиритуалистов) за их важничанье пониманием и знанием там, где мы ничего не знаем и ничего не понимаем.

Иван Федорович Карамазов не принадлежит к тем, кто лишен понимания. Он не «обыкновенный рассудок», он — юный мыслитель. Но, как мыслитель, он, очевидно, вместе с Кантом знает, что если обыкновенный рассудок ничего не понимает в этих вопросах, то и никто другой, даже из наиболее упражнявшихся в мышлении умов, не может похвастаться, что понимает в них больше¹.

Таковы подлинные мысли Канта.

Юный мыслитель Иван Федорович не принадлежит и к невеждам в области «исследования природы», но представленный антитезисом «проект, обещающий удовлетворять его одними лишь эмпирическими знаниями и разумной связью между ними», дает Ивану Федоровичу так же мало успокоения и опоры, как и обыкновенному рассудку. Хотя за свои сочинения «Геологический переворот» и «Легенда о великом инквизиторе» Иван, как воплощенный антитезис, должен всецело принять на себя упрек в заносчивости, сделанный Кантом эмпиризму, упрек, что он «дерзко отрицает то, что находится за пределами его наглядных знаний и сам впадает в нескромность»². Это с торжествующим сарказмом и поднес ему автор романа устами черта в кошмаре. Тем не менее в разговоре с Алешей (глава «Братья знакомятся») наш юный мыслитель становится в положение «обыкновенного рассудка». Он не как олицетворенный антитезис заявляет чистокровному тезису-Алеше, а всего-навсего как скромный скептик, что если по своему эвклидовскому уму он даже не понимает, как сходятся две параллель-

¹ Кант, 290.

² Кант, 289.

ные в бесконечности, то где же ему про бога понять, т. е. понять тезис четвертой антиномии Канта.

«— Я смиренно сознаюсь», — исповедуется Иван Федорович, — «что у меня нет никаких способностей разрешить такие вопросы, у меня ум эвклидовский, земной» (т. е. эмпирический), «а потому, где нам решать о том, что не от мира сего»³.

«Не от мира сего» — это, конечно, мир «вещей в себе», непознаваемый, по Канту, как мир, лежащий вне человеческого опыта. Далее идет «добрый» совет Ивана Алеше «об этом никогда не думать, а пуще всего насчет бога» (т. е. насчет четвертой антиномии): «есть ли он, или нет? Все это вопросы совершенно несвойственные человеку, созданному с понятием лишь о трех измерениях».

Теперь читатель может не сомневаться, что «эвклидовский ум» у Достоевского есть не только тот же «обыкновенный рассудок» Канта, но и рассудок вообще, бессильный познать что-либо за пределами опыта. Юный мыслитель раскрывает свое «кантианство», ибо об отсутствии способностей разрешить подобный вопрос именно и говорит Кант.

Итак, Иван Федорович в точности повторил Канта, лексиконом Достоевского, о непознаваемости и непонимании для рассудка умопостигаемого мира, т. е. космологических идей тезиса, став в данном случае вместе с Кантом на опасную позицию теоретического агностицизма, как бы ни отрицал этого сам Кант.

Иван Федорович даже с горячностью заявляет: «Я ничего не понимаю⁴. (...) Я и не хочу теперь ничего понимать [положим!]. Я хочу оставаться при факте [т. е. при эмпиризме]. Я давно решил не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчас же изменю факту»⁵.

Изменять факты Кант строго запрещает, предлагая иной рецепт: примирить «факты» с «идеями», т. е. примирить понятное с непонятным, эмпирическое с умопостигаемым. По этому пути примирения автор

³ 9, 295.

⁴ Ср.: «Кант, 290: «Если он мало или ничего не понимает в этих вопросах...»

⁵ 9, 305.

романа кое-кого поведет, пытаюсь разрешить антиномию, но не снять их противоречие как мнимое, что и пытался сделать Кант.

То обстоятельство, что не только герой романа Иван Федорович, но и сам автор романа принимает положение Канта о непознаваемости и бесцельности теоретических доказательств идей тезиса, — это раскрывает нам беседа старца Зосимы с госпожой Хохлаковой — той самой, которая так возмущалась после смерти Зосимы тем, что «старец пропах» и которая «не ожидала от него такого поступка». Как видите читатель, автор романа весьма далек от позиции полного благоговения даже перед старцем Зосимой, представленном в романе как персонификация тезиса на практике.

Госпожу Хохлакову, эту бестолковую курицу-хохлатку, до ужаса волнует мысль о будущей жизни (о бессмертии души), т. е. вторая антиномия Канта о неразрушимости и неделимости и о единстве моего мыслящего «я»⁶. Госпожа Хохлакова, как и Митя, не философ, но антиномии, как мы уже знаем из опыта Мити, волнуют — по Канту — всякий человеческий разум: таков его рок. Госпожу Хохлакову волнует — а вдруг вместо будущей жизни и бессмертия «только вырастет лопух на могиле»⁷ — вопрос, который волновал, правда, под пьяную руку, даже покойного старика Карамазова.

Старец Зосима дает ответ госпоже Хохлаковой. В этом ответе два положения, и первое из них, как это ни странно для старца Зосимы, дано согласно «Критике чистого разума» Канта:

«— Доказать тут нельзя ничего», — говорит Зосима, — «убедиться же возможно: (...) опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей. (...) Это испытано, это точно»⁸.

⁶ Ср.: Кант, 288: «...если наша воля не свободна и душа так же делима и разрушима, как и материя...»

⁷ Госпожа Хохлакова имеет в виду слова Базарова, героя романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

⁸ 9, 73.

Второе положение поучения об опыте деятельной любви гласит: «Это испытано». Положение «это испытано» есть уже довод, взятый из практики христианства, и есть, быть может, переход к «практическому разуму» Канта, к категорическому императиву; но то обстоятельство, что первое положение — «доказать тут ничего нельзя» — идет от философии Канта, этому подтверждением служит заявление старца в другом месте романа. Говорят философы, что сущность «вещей нельзя постичь на земле»⁹.

Старец Зосима — не Митя. Его простота — итог большой сложности, итог глубоких размышлений и большого внутреннего опыта, но «философы», о которых говорит старец, это, надо полагать, все те же философы, о которых речь шла и у Мити, т. е. прежде всего Кант, ибо именно у Канта доказательства по отношению к тезису и антитезису ничего не доказывают, и мир «вещей в себе» (т. е. умопостигаемый мир) непознаваем. И если старец Зосима вместо того, чтобы говорить о непознаваемости мира «вещей в себе», говорит о непознаваемости «сущности вещей», то смысл его утверждения остается тот же, что и у Канта, и он даже выражается вполне в рамках философской терминологии.

VII

ВЕРДИКТ БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫМ

Пока речь шла о четвертой и второй антиномии. Но вот Достоевский поставил вопрос и о третьей антиномии: о свободе воли и необходимости или, переводя в моральный план, о свободе воли и вменяемости, о вине и возмездии. Эта антиномия, как

⁹ 9, 401.